

**ТРАНСФОРМАЦИИ СКАЗОЧНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО СЮЖЕТА
ATU 325 “THE MAGICIAN AND HIS PUPIL” В ЗАРУБЕЖНОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ЖАНРА ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

А. О. Трошкова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Включение сказочно-мифологических мотивов в сюжетную канву произведений представляет собой одну из моделей фольклоризации литературных текстов. Изучение возможности и степени включения фольклорных мотивов в романы фэнтези, а также их трансформации, представляется одной из интереснейших и актуальных задач. **Цель:** настоящая статья посвящена исследованию вопроса эксплуатации мотивов сказочно-мифологического сюжета ATU 325 “The Magician and His Pupil” в произведениях фэнтези британских и американских авторов. **Материалы и методы.** В качестве материалов для исследования были взяты романы «Волшебник Земноморья» (1968) Урсулы Ле Гуин, «Ученик Чародея» (1982) Рэймонда Фэйста, «Мор, ученик Смерти» (1987) и «Творцы заклинаний» (1987) Т. Пратчетта, «Гарри Поттер» (1997) Дж. Роулинг, «Ученик Ведьмака» (2014) Дж. Дилейни. Особое внимание в статье уделяется интеграции и трансформации мотивов ученичества, преодоления порога и поединка в литературных текстах. Сравнительно-типологический метод исследования позволил выявить особенности интерпретации мотивов сюжета ATU 325 в англо-американских произведениях фэнтези. **Результаты исследования.** Автор пришел к выводу, что рассмотренные произведения структурно и сюжетно строятся по моделям волшебной сказки. Фольклорные мотивы, лежащие в основе сказок ATU 325, активно ассимилируются и обыгрываются авторами фэнтези. Мотив ученичества является одним из самых распространенных и активно включается в первый из цикла романов, являясь завязкой для целой серии книг-продолжений. Трансформации мотива ученичества проявляются на следующих уровнях: место обучения; этапность обучения; гендерные признаки учителя и ученика; устойчивость функций наставника в романах. Мотив преодоления порога присутствует во всех романах, но он не настолько очевиден, как в сказках. Сказочный мотив поединка между учителем и его учеником представлен в романе в трансформированном виде: происходит замена антагониста. Мотив трансформации, предшествующий поединку, представлен в романах в ослабленной форме.

Ключевые слова: хитрая наука, учитель и ученик, сказочно-мифологические мотивы.

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00028; в рамках выполнения гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2019).

Для цитирования: Трошкова А.О. Трансформации сказочно-мифологического сюжета ATU 325 “The Magician and His Pupil” в зарубежной массовой литературе жанра фэнтези (на материале англо-американских произведений) // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. № 1. С. 100–110. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-100-110

**TRANSFORMATIONS OF FAIRY TALE PLOT ATU 325 “THE MAGICIAN AND HIS PUPIL”
IN FANTASY LITERATURE OF ENGLISH AND AMERICAN WRITERS**

A. O. Troshkova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

One of the models of interaction between folklore and literature consists in the integration of fairytale motifs into literary works. **Purpose:** being an issue of current interest, the problem of inclusion of plot No. 325 “The Magician and His Pupil” into fantasy literature is regarded profoundly in the article. **Materials and methods.** The paper focuses on the works by famous British and American authors: “A Wizard of Earthsea” (1968) by Ursula K. Le Guin, “Magician: Apprentice” (1982) by Raymond E. Feist, “Mort” (1987) and “Equal Rites” (1987) by T. Pratchett; “Harry Potter” (1997) by J. Rowling; “The Spook’s Apprentice” (2014) by J. Delaney. Special attention is paid to the integration and transformation of the motives of apprenticeship, crossing a guarded threshold and ordeal in the literary texts. The comparative-typological method of research helps to reveal the peculiarities of the interpretation of the fairytale plot ATU 325 in British and American fantasy works. **Results.** The author comes to the conclusion that the plot and the structure of the novels under analyses correspond to V. Ya. Propp’s fairy tale models and J. Campbell’s monomyth. The folklore motives of ATU 325 are actively assimilated and transformed by the

fantasy authors. The apprenticeship motive is one of the most widespread and is actively included in the first novel of the cycle. Transformations of the apprenticeship motive are manifested on the following levels: place of study; stages of training; gender characteristics of a teacher and a student; sustainability of teacher's functions in novels. The motive of crossing a guarded threshold is included into all the novels but it is not as obvious as in fairy tales. The fairytale motive of the ordeal between the teacher and his student is presented in the novels in a transformed form: the antagonist is replaced. The fairytale motive of successive transformations is presented in novels in a weakened form.

Keywords: crafty lore, the magician and his pupil, mythological motives.

Acknowledgments: this research study was conducted with the financial support of RFBR, Project No. 18-312-00028\18 and within the framework of the grant awarded by the President of the Russian Federation for the support of young Russian scientists – candidates of sciences (МК-2019).

For citation: *Troshkova A.O.* Transformations of fairy tale plot ATU 325 “The Magician and His Pupil” in fantasy literature of English and American writers. *Vestnik of the Mari State University*. 2020, vol. 14, no. 1, pp. 100–110. DOI: 10.30914/2072-6783-2020-14-1-100-110 (In Russ.).

Современная массовая литература активно эксплуатирует фольклорные и мифологические «тексты», причем подобное включение и трансформация исходного кода происходит на совершенно разных уровнях и в разных объемах¹. Массовую литературу нередко сопоставляют с определенным типом фольклорного мышления, в частности с волшебной сказкой, тем самым показывая заключенный в ней немалый элемент архаики [5]. К сказке обращаются представители как элитарной, так и массовой культуры, и прежде всего, разных видов фэнтези, ибо в основе данного вида литературы находятся традиции мифа и волшебной сказки [20]. Е. Н. Ковтун пишет об активной эксплуатации фэнтези «мифологических моделей мира, естественно, переосмысленных на основе накопленных наукой сведений об архаической мифологии и принципах мифологического мышления» [6]. Профессор Е. В. Жаринов отмечает, что богатый материал прошлых эпох, всевозможных фольклорно-мифологических мотивов, которые в большой литературе уже умерли, продолжают свое «самотождественное», самозамкнутое существование в массовой

беллетристике² [5, с. 5]. В. Головин и О. Николаев выделяют «сюжетостроительную» прагматическую модель интеграции фольклорного текста в литературный, которая предполагает включение неких «узелков», сигналов, сюжетных ситуаций и связей, возникающих между мотивами фольклорного и литературного происхождения. Эти «узелки» способствуют восприятию читателем традиционных формул в литературных текстах в зависимости от модели фольклорного присутствия [3].

Отечественные и зарубежные исследователи не только подтверждают возможность включения фольклорных сюжетов/мотивов в литературный текст, но и допускают применение пропповской схемы к их анализу [3, с. 102; 19, р. 17; 5]. Но стоит отметить, что польский писатель-фантаст А. Сапковский считает, что связь фэнтези со сказками ограничена, и фэнтези черпает идеи из богатой мифологии: «Существует исключительно мало классических произведений данного жанра, которые эксплуатируют сказочные мотивы, докапываются до символики, постмодернистически интерпретируя послание»³.

¹ Закономерности развития и взаимодействия двух поэтических систем – фольклора и литературы – занимали многих исследователей. В XX веке к этой проблеме обращались Ю. М. Соколов, В. П. Адрианова-Перетц, П. Г. Богатырев, В. Я. Пропп, Ю. М. Лотман, А. М. Новикова, А. В., Кулагина, Т. В. Зуева, У. Б. Далгат, А. А. Горелов, Б. П. Кирдан, Д. Н. Медриш и другие. На рубеже XX–XXI веков этой проблемой заинтересовались А. С. Каргин, Е. К. Костюхин, С. Ю. Неклюдов, В. А. Поздеев, Н. И. Толстой, Н. А. Хренов и другие.

² При определении массовой беллетристики Е. В. Жаров исходит из понятия, данного А. В. Михайловым: для этой литературы характерна «самотождественность текстов-процессов – именно того качества, которое сам процесс чтения обращает в нечто безусловно занимательное и доставляющее большое удовольствие, а результат чтения – в нечто бесплотно эфемерное». Необходимым условием существования этого «текста-процесса» является потребность в вере, а также «в полнейшем и не критическом доверии читателя к тексту» [Жаров. 2018, с. 3]. В нашем понимании, термин «массовая беллетристика» в этом контексте тождествен «массовой литературе».

³ Сапковский А. Пирут, или Нет золота в серых горах. URL: http://samlib.ru/s/sekka_p/pirug.shtml (дата обращения: 15.11.2019).

Глубокое исследование внедрения и переосмысления славянских фольклорно-мифологических мотивов и элементов в отечественную фэнтези (исследование «славянского метасюжета») в недавнем времени осуществил К. М. Королев¹. Нам предстоит выяснить степень включения и трансформации мотивов сказочно-мифологического сюжета ATU 325 “The Magician and His Pupil” в англо-американских произведениях фэнтези, что, на наш взгляд, является актуальной и интереснейшей задачей. Выясним, насколько активно мотивы сказочного сюжета ATU 325 интегрируются британскими и американскими авторами фэнтези в литературные тексты и какова степень их трансформации. В качестве материала для исследования возьмем следующие романы фэнтези: «Волшебник Земноморья» (1968) Урсулы Ле Гуин, «Ученик Чародея» (1982) Рэймонда Фэйста, «Мор, ученик Смерти» (1987) и «Творцы заклинаний» (1987) Т. Пратчетта, «Гарри Поттер» (1997) Дж. Роулинг, «Ученик Ведьмака» (2014) Дж. Дилейни². Определяющее влияние на выбор материала для исследования оказали лидирующие позиции англо-американского фэнтези по количеству и качеству произведений на рынке массовой литературы. Решение в пользу этих авторов было мотивировано большим успехом серий их работ.

Сказочно-мифологический сюжет ATU 325 универсален и имеет очень долгую историю своего существования. Несмотря на многочисленные исследования его генезиса (Т. Бенфей, Э. Коскен, Г. Н. Потанин, В. Я. Пропп и др.), ученые-фольклористы так и не пришли к единому мнению о точном месте возникновения сюжета. Тем не менее, многие исследователи классической греческой, римской, египетской и азиатской литературы находят

и изучают схожие мотивы в «Каталоге женщин» Гесиода, «Метаморфозах» Овидия, монгольских сказках «Шидди-Кур», турецкой «Султан и его сорок визирей», в «Книге тысячи и одной ночи», а также азиатском фольклоре раннего средневековья.

С течением времени сюжет ATU 325 претерпел минимальные изменения, сохранив свои основные черты: ученичество; возвращение протагониста домой; превращение главного героя в различных животных и его продажа с целью заработать; борьба ученика со своим учителем [18, p. 69; 15, p. 221]. Основным в сюжете ATU 325 считается мотив ученичества³, подразумевающий взаимоотношения между учеником и его наставником. В основе этого мотива лежит один из самых распространенных в мире архетипов «учитель – ученик» (архетип *старого мудреца* по К. Юнгу). Мотив противостояния учителя и его искусного ученика также является важным его составляющим. Борьба (архетип *поединка*) в сказке, по мнению американского фольклориста Дж. Зайпса, является ничем иным, как отражением конфликта «хозяин – раб», характерным для большинства культур [19, p. 8]. Обращает на себя внимание и мотив трансформаций, который, по сути, представляет собой манифестацию героем своей способности применять «хитрую науку» на практике. Пожалуй, его можно считать одним из древнейших в сюжете 325⁴.

³ В русской традиции сказки с данным мотивом известны под названием «Хитрая наука», что в полной степени отражает их основной замысел. В мировой фольклористике мотив приобрел собственное обозначение и статус «crafty lore».

⁴ Истоки мотива перевоплощения были отмечены в греческой мифологии, а также «Метаморфозах» Овидия и более ранних источниках, в частности у Гесиода в «Каталоге женщин» («Erysichthon and Mestra»). По мнению Дж. Зайпса, способность к перевоплощению преобладала у женщин, что было связано прежде всего с их стремлением к утверждению собственной идентичности, а также нежеланием быть насильственно выданной замуж [Zipse 2017, 19]. Элани Фэнтэм (Elaine Fantham), исследуя древнегреческую мифологию, отмечает, что способность персонажей менять свой облик присутствует в мифологии многих народов. Она цитирует Форбса Ирвинга (Forbes Irving), который, в своем недавнем исследовании греческой мифологии, утверждает, что способность персонажей к быстрой трансформации своих обликов отличает их от смертных и от богов, которые прибегают к модификациям лишь в отдельных случаях. Именно эта способность, по мнению исследовательницы, и привела Овидия к включению подобных персонажей в свое повествование [Fantham 1993, 21]. В «Рассказе Второго Календера» сборника арабских сказок «1001 ночь» дочь царя также наделена магической способностью перевоплощаться⁴. Из приведенных примеров видно, что в них еще нет полноценного сюжета ATU 325, но зафиксировано появление одного из его эпизодов – мотив оборотничества протагонистов.

¹ Королев К.М. Фэнтези в современной русской литературе: актуализация условно-древнеславянской топики в контексте русского культурного национализма: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 176 с.

² Тексты, используемые в работе: Дилейни Дж. Седьмой сын: роман / пер. с англ. Е.А. Романенко. М.: Эксмо, 2014. 320 с. (Ученик Ведьмака. Мировой фэнтези-бестселлер для подростков); Ле Гуин У. Волшебник Земноморья. 1968. URL: https://toyallib.com/read/le_guin_ursula/mag_zemnomorya.html#0; Пратчетт Т. Мор, ученик Смерти. Мрачный Жнец / пер. с англ.: С. Жужунава, Н. Берденникова. М.: Э, 2016. 576 с.; Пратчетт Т. Творцы заклинаний: романы / пер. с англ.: И. Кравцовой, В.Л. Вольсона. М.: Эксмо, 2015. 640 с.; Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и философский камень: роман / пер. с англ. И.В. Оранского. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2002. 399 с.; Фэйст Р. Ученик Чародея: роман / пер. с англ. Л. Бочаровой. М.: Эксмо, СПб.: Валери СПД, 2002. 624 с., илл. (Серия «Меч и магия»).

Волшебные сказки ATU 325 “The Magician and His Pupil” («Волшебник и его ученик» / «Ученик волшебника» / «Ученик чародея»), в основе которых лежат взаимоотношения между учителем и его учеником, универсальны и распространены во всем мире. Отношения между героем и его наставником – богатейшая тема для литературы и кино [2, с. 81]. На его основе созданы мировые шедевры И. Гете, А. Данте, Ч. Диккенса, Дж. Макдональда, Т. Манна и др.; киноэпопея Дж. Лукаса и многое другое. Литература фэнтези не является исключением. Пожалуй, здесь даже чаще, чем в других жанрах искусства, можно столкнуться с взаимоотношениями между учителем и его учеником. По мнению Гидеон Хаберкорн (Gideon Haberkorn) и Венеры Рейнхардт (Verena Reinhardt), литературу фэнтези буквально наводнили произведения, в которых присутствует мотив магического обучения [16, р. 46].

Рассмотрим произведения фэнтези британских и американских авторов, в сюжете которых в большей или меньшей степени присутствует мотив ученичества (архетип «учитель – ученик»), показана эволюция взаимоотношений между наставником и героем. Мы не ставим перед собой цели отобрать произведения, сюжет которых будет соответствовать волшебной сказке «Ученик чародея» с минимальными изменениями. Найти такие тексты, как мы понимаем, невозможно, поскольку фольклорный текст никогда не попадает в литературный в своем первоначальном виде. Его необходимо трансформировать, «иначе он просто не будет воспринят» [3, с. 1].

Архетип «учитель – ученик» активно эксплуатируется авторами фэнтези, причем каждый раз он включен в первую книгу цикла, то есть мотив ученичества представлен в завязке произведения: «Волшебник Земноморья У. Ле Гуин из цикла «Земноморье», «Ученик Чародея» Р. Фэйста из цикла «Война Врат», «Мор, ученик Смерти» Т. Пратчетта из цикла «Смерть», «Творцы заклинаний» Т. Пратчетта из цикла «Ведьмы» (но эти романы объединены единым местом событий – Плоский мир), «Гарри Поттер и философский камень» Дж. Роулинг из цикла о «Гарри Поттере», «Ученик Ведьмака» Дж. Дилейни из цикла «Хроники Уордстоуна».

Роман американской писательницы Урсулы Ле Гуин «Волшебник Земноморья» (1968) – первый в цикле «Земноморье», получивший премию Boston Globe – Hornbook Award (в категории

«juvenile fiction» – «литература для подростков»), можно назвать ярким примером интеграции элементов и мотивов сказочных сюжетов ATU 325 *The Magician And His Pupil* и 325* *The Sorcerer's Apprentice* (в предыдущей редакции каталога 1961 года С. Томпсона известный как *Apprentice and Ghost*). Главный герой романа – юный Дьюни (Ястребок), попадает в ученье к великому чародею Огиону Молчаливому, который совершает обряд имяположения в тринадцатилетние мальчика (параллель с обрядом инициации, постижение героем «хитрой науки» в сказке) и дает ему истинное имя – Джед (Гед, в зависимости от перевода). Попав к волшебнику, Джед нарушает запрет – читает заклинание из магической книги и вызывает Тень. Огион, вовремя подросший на помощь ученику, изгоняет потустороннее существо и отправляет мальчика изучать Высокие Искусства на остров Рок, что напоминает переход в «иной» мир, где промежуточной, пограничной зоной, разделяющей эти миры, является море. На этом этапе повествования явно прослеживается аллюзия на сказку ATU 325, в которой родители отдают сына колдуну/волшебнику на обучение, и ATU 325*, где ученик нарушает запрет учителя – открывать и читать магическую книгу и едва не погибает от вызванного им духа/привидения¹. Далее мы снова замечаем параллель со сказкой: обучаясь в школе волшебства, Джед проявляет выдающиеся способности (в сказке герой – самый умелый из всех учеников колдуна, ведь только ему благодаря своей смекалке, хитрости и магическим способностям удается вырваться из-под гнета учителя). Он учится искусству Великой Трансформации и Воплощений у Мастера Метаморфоз, демонстрируя своему сопернику Джасперу умения перевоплощаться в сокола (сказочный мотив трансформаций). Но Ястребок нарушает запрет повторно: соревнуясь с Джаспером в своем мастерстве, он прибегает к заклинанию, вызывающему мертвых. Вместе с духом в его мир повторно врывается Тень – чудовище, которое хочет убить душу Джеда и занять его тело. Ценой своей жизни, Джеда спасает Верховный Маг Неммерль. В этот

¹ Интересным представляется авторский замысел сочетать с романе мотивы сказок ATU 325 и ATU 325*, которые изначально имеют диаметрально противоположные сюжеты: кульминацией сюжета 325 является борьба и победа ученика над своим учителем. Сюжет 325* повествует о глухом ученике, который в конце сказки нередко гибнет сам.

момент герой вступает на истинный «путь испытаний» (мономиф Дж. Кэмпбелла).

В «Ученике Чародея» (1982) американского фантаста *Рэймонда Фэйста* юный сирота – Паг (аналог обижаемого сироты) из Королевства Островов волею судьбы попадает в ученики к чародею Кулгану. Учитель сам избирает сироту Пага себе в ученики в день летнего солнцестояния: «*Это событие имело особое значение для подростков, <...> ведь нынче они навсегда прощались с детством. Им предстояло пройти через первое серьезное испытание – церемонию Выбора*»¹. Церемония вступления мальчиков во взрослую жизнь и выбор будущего ремесла – аллюзия на древний обряд инициации, лежащий в основе мотива ученичества [12, с. 78–79]. Паг учится, хотя и не всегда успешно, контролировать свою магическую силу и, в конце концов, играет решающую роль в битве между силами Хаоса и Порядка.

В романе известного британского писателя *Т. Пратчетта* «*Мор, ученик Смерти*» (1987) отец отдает своего сына Мора в учение Смерти. Поступив на службу, Мор овладевает «хитрой наукой»: становится невидимым для людей, обретает способность перемещаться по воздуху на коне Смерти, проходить сквозь стены, понимать ранее неизвестные ему языки и выполнять обязанности Смерти. В итоге Мор достигает высоких результатов, в чем-то даже, как и в сказке, превосходит своего Учителя.

«Мор» не единственное произведение знаменитого британского писателя, в котором он прибегает к использованию мотива ученичества. Еще одним романом, изданным в том же году, является «*Творцы заклинаний*» (1987). Здесь также прослеживается мотив ученичества, но он несколько видоизменен по сравнению с другими произведениями. В начале романа могущественный волшебник по имени Драм Биллет приходит к кузнецу, у которого должен родиться восьмой сын восьмого сына (аналогия с «седьмым сыном седьмого сына» в «Ученике Ведьмака»). Волшебник наделяет новорожденного магией и оставляет ему свой посох. Но младенцем оказывается девочка Эскарина, которой, по недоразумению и невнимательности волшебника, предстоит стать первой женщиной-волшебником. Мотив

ученичества прослеживается с самого начала произведения, когда девочку учит волшебству знакомая их семье ведьма, матушка Ветровоск. Но магические способности ребенка настолько сильны и незнакомы ведьме (волшебство волшебников отличается от магии ведьм), что девочку решают отдать обучаться магии в Незримый Университет Волшебников. Нарушая традиции и законы Университета, Эск становится первой девочкой-волшебницей.

В «*Гарри Поттере*» Дж. Роулинг мудрый старый волшебник Дамблдор, наставник Гарри, принимает активное участие в судьбе мальчика. Благодаря ему герой попадает на учебу в Хогвартс, где и обучается волшебству. Хогвартс для Поттера – «иное царство», мир волшебников, который, в дальнейшем, становится для него обыденным.

В романе британского фантаста *Дж. Дилейни* «*Ученик Ведьмака*» (2014) главный герой Том замечал за собой некоторые сверхъестественные способности, но не догадывался о своем истинном предназначении. Встреча Тома и его семьи с Ведьмаком круто меняет жизнь мальчика. Протагонист покидает свой дом с целью получить знания и, когда придет время, сменить Ведьмака на его попроще. За отлучкой следует испытание, и, пройдя инициацию, он становится настоящим учеником. Момент «перерождения» героя – переломный в жизни мальчика. Он понимает, что назад дороги нет, ему предстоит пройти через множество испытаний, чтобы стать достойным своего Учителя. Далее Тому предстоит хранить землю от зла и усмирять нечисть.

На наш взгляд, сходство мотива ученичества в сказках об «Учителе и его ученике» и выделенных нами романах фэнтези очевидна. Но, в отличие от сказочного мотива, ученичество в фэнтези художественно переосмыслено и представлено на разных иерархических уровнях – начиная от индивидуального обучения (например, Эск обучается у ведьмы матушки Ветровоск, наставником Тома является Ведьмак, Смерть обучает Мора) и заканчивая обучением в школе (Школа Волшебства У. Ле Гуин, Школа Чародейства и Волшебства Хогвартс Дж. Роулинг) и даже университете (Незримый университет Р. Фэйста). Статус учителя также варьируется в романах: он может быть могущественным волшебником и великим чародеем (Огион Молчаливый в «Волшебнике Земноморья»), Кулган из «Ученика

¹ Фэйст Р. Ученик Чародея: Роман / пер. с англ. Л. Бочаровой. М. : Эксмо, СПб. : Валери СПД, 2002. 624 с., илл. (Серия «Меч и магия»).

Чародея», Дамблдор из «Гарри Поттера»), ведьмаком (Ведьмак из романа «Ученик Ведьмака») или антропоморфной персонификацией Смерти («Мор, ученик Смерти»).

Трансформация фольклорного мотива обучения в фэнтези прослеживается также и в самой системе обучения: в отличие от сказки, процесс подробно описан в каждом романе. В «Волшебнике Земноморья» и «Творцах заклинаний» обучение можно условно разделить на два этапа: индивидуальное обучение с волшебником/ведьмой/представителями inferнального мира (Смерть) и обучение в школе волшебства. Герой отправляется в Школу Волшебников/Незримый университет по разным причинам: из-за нарушения запрета своего наставника, или из-за неспособности учителя развивать в своем ученике необычайно сильные магические способности. Но в любом случае, первый этап обучения может быть соотнесен со сказочным мотивом ученичества, за которым следует продолжение пути героя (испытания).

Отличие от сказки проявляется в гендерных признаках учителя и ученика. Если в сказке колдун/волшебник и его ученик всегда мужского пола, то литература допускает учителя-женщину (матушка Ветровоск из «Творцов заклинаний», тетка Джеда – деревенская колдунья из «Волшебника Земноморья») и ученицу – девочку (Эск). Хотя здесь стоит оговориться: очевидна разница между магией ведьм и волшебников. Взгляды Т. Пратчетта на разделение ролей в сфере волшебства достаточно традиционны [16]. Он, как и многие писатели фэнтези, придерживается дихотомического подхода, в котором функции ведьм и волшебников в обучении волшебству четко разграничены. Ведьмы (женщины) практикуют практическую магию, связанную с природой, больше внимания обращают на устную мудрость и здравый смысл; волшебники (мужчины) практикуют интеллектуальную магию с использованием заклинаний, описанных в книгах. Эта тенденция ярко прослеживается в романах, хотя в «Творцах заклинаний» автор меняет свое мнение, и Эск становится первой девушкой-волшебником.

Интерес вызывает архетип наставника (старого мудреца). По мнению М.-Л. фон Франц, в сказках архетипы, являясь непосредственным отображением психических процессов коллективного бессознательного, предстают в наиболее про-

стой, чистой и краткой форме¹. В сказке о «хитрой науке» архетип наставника таковым не является. Он представляет собой достаточно гибкую функциональную модель. Архетипу старца свойственна двойственная природа: «В русской сказке о лешем (имеется в виду Ох – *авт.*) он вначале доброжелателен и готов помочь, но потом не разрешает своему наймиту уйти²» [14, с. 312]. Если в начале сказки учитель выступает в роли мудреца, который готов разделить с юношей свои магические знания, то по ходу развития сюжета он надевает маску тени (архетип тени), воплощая энергию темных сил, и бросает вызов своему ученику. О возможностях одного и того же персонажа надевать маски разных архетипов пишет и К. Воглер в своем исследовании о возможности применения «пути героя» Дж. Кэмпбелла к литературным текстам и киносценариям [2]. Например, он считает эффективным сочетание архетипов тени с оборотнем или наставника с привратником и тому подобное [2].

В исследуемых романах фэнтези дело обстоит иначе: архетип наставника достаточно устойчив и волшебник выступает в роли учителя и помощника (возможно, волшебного помощника) главного героя на протяжении всего произведения. Исключением, пожалуй, является роман Т. Пратчетта «Мор, ученик Смерти», в котором происходит временная трансформация архетипа наставника в тень, но затем все возвращается на свои места.

Мотив преодоления порога (Дж. Кэмпбелл), перехода героя из своего мира в иной, чуждый ему, носит стабильный характер в сказке и фэнтези. Это обязательная составная часть квеста героя. Как отмечал Неелов, «свой» мир – это мир,

¹ Фон Франц М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в сказке // фон Франц Мария-Луиза. (Пер.: Березовская Р., Бутырин К.Н.) М., 2004. URL: http://www.xliby.ru/psihologija/psihologija_skazki_tolkovanie_volshebnyh_skazok/p1.php#metkadoc2 (дата обращения: 15.11.2019).

² К. Юнг писал о двойственной природе всех архетипов: «они имеют как позитивную, благоприятную, светлую сторону, которая указывает вверх, так и ту, которая указывает вниз – частично негативную и неблагоприятную» [Юнг 1996, с. 308]. Особенностью сказок АТУ 325 является то, что старец (волшебник) помимо положительных качеств (наделение протагониста своими знаниями), также имеет и порочную сторону: он не хочет отпускать своего ученика, получившего магические знания. В дальнейшем архетип мудреца (наставника) трансформируется в архетип тени, становясь главным противником нашего героя.

в котором находится дом героя...; «чужой» мир – место пребывания главного антагониста» [9, с. 10–11]. В сказке, попадая в ученье к колдуну, мальчик сталкивается с представителем иномира (колдун, черт, Ох). Это говорит о сохранении в сказке характерного для мифологии противопоставления «своего» и «чужого» мира¹. В сказке эта оппозиция является центральной, потому что она моделирует соотношение героя с его врагами [8, с. 36]. Посещение «чужого» мира в сказках о «хитрой науке» всегда временное, и «необходимым мыслится возвращение героя в жизненные и улучшенные условия» [4, с. 45]. Последовательность перемещений нашего героя «дом → дорога → лес → иное царство» достаточно стабильная, и концентрация большинства коллизий волшебной сказки вокруг пути приводит к ее эксплуатации в подавляющем большинстве текстов [11, с. 146–147].

В фэнтези герой также уходит из своего, обыденного мира (например, дом родителей/приемных родителей) и попадает в чуждый ему мир волшебства и магии (чаще всего, это дом волшебника, ведьмы, школа волшебников, университет). Например, в «Волшебнике Земноморья» Джек, покидая родной дом вместе со своим новым Учителем (отлучка), следует «зову к странствиям» (по Дж. Кэмбеллу), «преодолевает порог» и попадает из «своего» мира (дом родителей) в «иной» (дом волшебника Огиона, а в последствии – Школа Волшебников на острове Рок). У Дж. Роулинг «свой» и «чужой» миры представлены оппозицией «мир маглов – мир волшебников» (основа мироустройства), но также встречаются и другие оппозиции: «Хогвартс – Тайная Комната», «Хогвартс – кладбище, место возрождения Волан-де-Морта» и так далее. Интересным локусом во время преодоления порога между мирами становится вокзал. Он не относится ни к «своему», ни к «иному» миру. Это своего рода портал для перенесения из мира маглов в мир волшебников.

В исследуемых произведениях смена реальности не настолько очевидна, как в сказке. Здесь нет «тридевятого царства» или подземелья Оха. Герой остается в своем мире, но для него меняется сама реальность. «Свой» мир для наших героев – это мир до овладения им магическими

знаниями, до встречи с волшебником-наставником. Но стоит герою встретиться с ним, он переходит в чуждый ему мир, мир магии. По мере овладения «хитрой наукой» этот «иной» мир становится для протагониста обыденным.

Несомненно, еще одним сходством фэнтези и волшебной сказки, выявленным в рамках нашей работы, является отображение древнего обряда инициации во всех романах, который является неотъемлемым элементом ученичества и перехода в иной мир. То, что многие сказки восходят к обряду инициации, отмечалось Дж. Кэмбеллом, Е. Мелетинским, В. Я. Проппом, П. Сентивом и другими исследователями. Процесс овладения юношей «хитрой наукой» колдуна – это ничто иное, как процесс инициации. Связь сказки с обрядом посвящения, который являлся школой, учением в самом настоящем смысле этого слова, – очевидна [12, с. 90].

Обряд инициации представлен в романах по-разному. В «Ученике Чародея» Р. Фэйста – это торжественная процедура вступления мальчиков в ряды учеников. Проводимая ежегодно на площади в день солнцестояния, церемония Выбора считалась настоящим испытанием. В «Творцах заклинаний» Т. Пратчетта церемония инициации не имеет специального названия, но в день приема в Университет холл здания заполнялся волшебниками, мальчиками и родителями будущих учеников и их также торжественно принимали в университет (что Эск с треском провалила). В «Ученике Ведьмака» обряд инициации Тома заключался в способности мальчика провести ночь в заброшенном доме. Прием в ученики Школы Волшебства Хогвартс и распределение по факультетам также происходит в первый день. В зависимости от интеллекта и характера обучающегося, Распределяющая шляпа направляет учеников на тот или иной факультет. Мор Терри Пратчетта, сражаясь с врагами, встречающимися ему на пути, сталкиваясь с разнообразными препятствиями, превращается из ребенка во взрослого мужчину.

Мотив поединка, являющий собой кульминационный момент всего произведения, представлен в романах в измененном, трансформированном виде. Как мы знаем, главный антагонист героя в сказке «Волшебник и его ученик» – это сам учитель, который в конце сказки погибает от рук своего ученика. В романах происходит смещение акцентов и роль антагониста принимает

¹ Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. (2-е изд.) / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская Энциклопедия, 1988. Т. 2. 671 с.

на себя представитель темных сил, потустороннего мира (Тень, чужеземные войны империи Цурануани, Твари, Волан-де-Морт и его сторонники, ведьма Мамаша Малкин). Подобная замена происходит, вероятно, для усиления драматизма всего произведения.

В «Волшебнике Земноморья» мотиву поединка предшествует сказочный мотив преследования героя антагонистом (за Джемом гонится Тень), сопровождаемый мотивом последовательных трансформаций: Джем обладает способностью перевоплощаться в дракона, сокола (мотив трансформации во время преследования очень устойчив в сказках о «Волшебнике и его ученике»). В романе отсутствует мотив борьбы учителя со своим учеником. Напротив, Огион – его наставник и верный друг, к которому Джем отправляется в отчаянии и надежде получить совет – как уничтожить Тень. Но архетип поединка сохраняется: борьба с Тенью – это главное, кульминационное испытание для протагониста. Он не выигрывает и не проигрывает его. Назвав Тень своим именем, герой «соединяет две половинки своей души¹», становится человеком, познавшим собственное «я». Тень в романе – это архетип *тени* по К. Юнгу, темный двойник собственного «я» [14]. Более того, Джем и Тень символизируют собой два взаимодополняющих начала: Инь и Янь. По мнению Е. Жаринова, в «Ученике Земноморья», как и в цикле романов о Земноморье в целом, нашло свое отражение философское учение Инь Ян Цзы². Воссоздавая архетип поединка на страницах своего романа, писательница художественно переосмысливает возможные варианты существующих в мире взаимодополняющих начал.

Основная сюжетная линия сказки остается практически не нарушенной и переносится в роман с замещением антагониста (волшебник в сказке, Тень в романе): Джем учится у Огиона; нарушает запрет Учителя – открывает книгу магии и вызывает потустороннюю силу; Огион спасает его от Тени в первый раз и отправляет учиться на остров Рок; Джем нарушает запрет повторно

¹ Урсула Ле Гуин. Волшебник Земноморья. 1968. URL: https://royallib.com/read/le_guin_ursula/mag_zemnomorya.html#0

² Жаринов Е.В. Фэнтези и детектив – жанры современной англо-американской беллетристики. 1996. URL: https://royallib.com/read/garinov_evgeniy/fentezi_i_detektiv_ganri_sovremennoy_anglo_amerikanskoj_belletristiki.html#0 (дата обращения: 15.11.2019).

и вновь выпускает Тень в свой мир; погоня Тени за героем, трансформации протагониста; борьба героя с Тенью и окончательная расправа. Естественно, сюжет обрастает множеством деталей и дополнительных мотивов, смещаются акценты, но в целом структура сказки сохраняется и мотивы сюжета 325 активно интегрируются в нее.

В «Творцах заклинаний» сказочный **мотив трансформации** героя видоизменен в мотив Заимствования, то есть вселения своей души в чужое тело – мастерство, в котором Эск преуспела. Мотив поединка также присутствует в романе, но аналогично с другими произведениями, происходит смещение акцентов: в книге мы наблюдаем противостояние главной героини и Темных сил, которые она, несомненно, побеждает. В «Гарри Поттере» мотив борьбы представлен противостоянием и поединками с лордом Волан-де-Мортом и его сторонниками. В «Ученике Ведьмака» так же, как и в романах «Ученик Земноморья» и «Ученик Чародея», сюжет 325 мотивов борьбы ученика с учителем опущен. Мотив поединка трансформируется в борьбу между Томом и ведьмой Мамашей Малкин.

Единственным, пожалуй, из перечисленных романов, который включает поединок героя со своим учителем – это роман «Мор, ученик Смерти». Со сказкой роман объединяет не только мотив ученичества, наделение протагониста магическими знаниями и способностями и его превосходство над учителем. В отличие от других рассмотренных произведений, у Т. Пратчетта присутствует мотив борьбы героя и его учителя – Смерти (архетип поединка). Но в отличие от сказки, в которой Учитель всегда (или практически всегда) оказывается поверженным своим учеником, поединок Смерти и Мора заканчивается пощадой ученика и их примирением.

Сюжетная линия рассмотренных нами романов отсылает к стилистике «меча и магии», героическому фэнтези, но воспроизводимые в них художественно переосмысленные фольклорные мотивы сюжета ATU 325 не могут остаться незамеченными. Они активно интегрируются авторами в свои произведения, но входят в них опосредованно, видоизмененно настолько, насколько это необходимо для реализации сюжета произведения, создания квеста главного героя.

В целом сюжетный стержень рассмотренных нами романов соответствует структуре фольклорной волшебной сказки В. Я. Проппа, каждое

произведение можно вписать в ее схему: герой покидает родной дом; встречается дарителя, который наделяет его советом/волшебным средством; проходит посвятельное испытание; сталкивается с оппонентом; одерживает над ним победу. Если рассматривать шире, то путь героя совпадает с мономифом Дж. Кэмпбелла, описанным ученым в «Тысячеликом герое»: мир повседневности («свой» мир героя), зов к странствиям (ощущение протагонистом или иным героем магической силы, живущей в нем), сверхъестественное покровительство (появление в повествовании волшебника/ведьмы в роли учителя героя), преодоление первого порога (герой покидает «свой» мир и отправляется в «иной», волшебный, с целью получить/развить свои магические способности), инициация (вхождение героя во взрослую жизнь, прием в школу волшебства и пр.), путь испытаний (квест), апофеоз (поединок героя с антагонистом) и вознаграждение в конце пути.

Схожесть построения сюжета и однотипность повествования рассмотренных романов позволяют отнести их к «литературе-формуле» (Дж. Кавелти). Заданность поступков делает героев этих книг достаточно предугадываемыми и схематичными¹. Даже такие общепризнанные шедевры фэнтези, как «Волшебник Земноморья» У. Ле Гуин или «Гарри Поттер» Дж. Роулинг (а также, безусловно, «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена, где тоже присутствует мотив ученичества), которые оказали значительное влияние на литературный процесс Запада, укладываются в это определение. Но можно предположить, что сам факт схематичности, заданности сюжетов и характеров не всегда является синонимом литературного штампа и посредственности. Скорее всего, эта заданность является воплощением некоей алгоритмичности нашего современного мышления. Того же мнения придерживается и американский сценарист К. Воглер, перенося мономиф Дж. Кэмпбелла на литературные тексты и киносценарии и доказывая возможность применения его подхода на сотнях примеров [2].

Использование авторами фэнтези однотипных мотивов в своих произведениях, в частности в первом романе цикла, позволяет нам также го-

ворить о «механизме банализации», о котором писал П. Бурдьё: «Самые новаторские произведения имеют тенденцию производить, с течением времени, свою собственную публику, навязывая, благодаря эффекту привыкания, присущие им структуры в качестве легитимных категорий восприятия любого произведения... По мере того как культурные продукты завоевывают признание, они теряют свою отличительную редкость и, следовательно, “дешевет”». Канонизация неизбежно приводит к банализации, которая, в свою очередь, способствует все более широкому распространению продукта» [1, с. 424–425]. О «ключевых» произведениях и остальной массе романов фэнтези писал и Б. Н. Стругацкий. Применительно к нашей работе это означает, что «ключевые» тексты (в нашем случае это «Ученик Земноморья» У. Ле Гуин) использовали мотивы ученичества, поединка и др. в качестве базовых компонентов своих романов. В дальнейшем, ориентируясь на опыт предшественников и веря в гарантированность успеха подобного сюжета, авторы фэнтези стали активно эксплуатировать его элементы в своих работах, создавая некое подобие «ключевого» текста. Если смотреть шире, то в качестве этого ключевого текста выступает сама волшебная сказка об учителе и его ученике.

Подводя итог, хочется сказать, что рассмотренные произведения структурно и сюжетно строятся по моделям волшебной сказки. Фольклорные мотивы, лежащие в основе сказок об «Ученике волшебника», активно ассимилируются и обыгрываются авторами фэнтези в канве повествования, исходя из целей автора и особенностей сюжетной линии. Мотив ученичества является одним из самых распространенных и активно включается в первый из цикла романов, являясь завязкой для целой серии книг-продолжений. Трансформации мотива ученичества проявляются в следующих моментах: место обучения (индивидуальное обучение у волшебника; обучение в школе волшебства; в университете); этапность обучения (индивидуальное обучение с волшебником / ведьмой – первый этап; обучение в школе волшебства – второй этап); гендерные признаки учителя и ученика (учитель мужского пола – волшебник, ведьмак, антропоморфное существо Смерть; женщина – ведьма; Эск – ученица, первая девочка-волшебник); устойчивость функций наставника в романах (архетип старого мудреца

¹ Жаринов Е.В. Фэнтези и детектив – жанры современной англо-американской беллетристики. 1996. URL: https://royallib.com/read/garinov_evgeniy/fentezi_i_detektiv_ganri_sovremennoy_anglo_amerikanskoj_belletristiki.html#0 (дата обращения: 15.11.2019).

в большинстве романов не обладает двойственной природой).

Мотив преодоления порога присутствует во всех романах, но он не настолько очевиден, как в сказках. «Свой» мир для героя – это чаще всего родной дом, «иной» – дом волшебника, школа волшебства и пр. Постепенно «иной» мир становится для героя своим, обыденным. Сказочный мотив поединка между учителем и его учеником представлен в романе в трансформированном

виде: происходит замена антагониста на представителя Темных сил / представителя иномира. Это, на наш взгляд, усиливает драматизм произведения. Исключением является роман «Мор, ученик Смерти», в котором наблюдается соответствие антагониста его сказочному прототипу. Мотив трансформации, предшествующий поединку, также присутствует в некоторых романах, но в ослабленной форме.

Литература

1. Бурдые П. Поле литературы // Социальное пространство: поля и практики. М. : ИЭС; СПб. : Алетейя, 2005. С. 424–425.
2. Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино / пер. с англ. 2-е изд. М., 2017. 476 с.
3. Головин В., Николаев О. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах нового времени // Навстречу третьему всероссийскому конгрессу фольклористов: сб. научных статей. М., 2014.
4. Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов. М., 1994. 272 с.
5. Жаринов Е.В. Историко-литературные корни массовой беллетристики: монография. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2018. 184 с.
6. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). М. : Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб. : Питер, 2018. 352 с.
8. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Проблема структурного описания волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М. : Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 234 с.
9. Неелов Е.М. Волшебство-сказочные корни научной фантастики: монография. Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. 198 с.
10. Неелов Е.М. Еще раз о жанровой специфике Фантастической литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 1. С. 100–105.
11. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М. : Российск. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 234 с.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2010. 332 с.
13. Юнг К.Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 304 с.
14. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
15. Beecher D., editor of Giovan Francesco Straparola // The Pleasant Nights. Toronto : University of Toronto Press, 2012. 221 p. URL: https://books.google.ru/books?id=HeW_2QlkbAsC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.11.2019).
16. Haberkorn G., Reinhardt V. Magic Adolescence and Education on Terry Pratchett's Discworld // Supernatural youth: The Rise of the Teen Hero in Literature and Popular Culture / Edited by Jes Battis. Lexington Books, 2011. Pp. 43–64.
17. Taylor A. Trapped: Fairytale in Pratchett and Lackey // Gender forum. An Internet Journal for Gender Studies. Issue 52. Pp. 17–25. 2015.
18. Thompson S. The Folktale. New York, 1946. 537 p.
19. Zipes J. The Sorcerer's apprentice. Princeton University Press, 2017, 404 p.
20. Zolotova T.A., Efimova N.I., Plotnikova E.A., Troshkova A.O. Fairy Tale Traditions in Amateur and Professional Young Writers' Creativity // GEMA Online® Journal of Language Studies. Vol. 17. No. 4. 2017. Pp. 101–112.

References

1. Bourdieu P. Pole literary [Field of literature] *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* = Social Space: Fields and Practices. Moscow; St. Petersburg, 2005, pp. 424–425. (In Russ.).
2. Vogler K. Puteshestvie pisatelya. Mifologicheskie struktury v literature i kino [Writer's journey. Mythological structures in literature and cinema]. Moscow, 2017, 476 p. (In Russ.).
3. Golovin V., Nikolaev O. "Uzelkoe pis'mo" fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeistviya v russkikh literaturnykh tekstakh novogo vremeni ["Nodal writing" of folklore: the pragmatics of literary and folklore interaction in Russian literary texts of the new era]. *Navstrechu tret'emu vserossiyskomu kongressu fol'kloristov. Sbornik nauchnykh statei* = Towards the Third Russian Congress of Folklorists. Collection of scientific articles, Moscow, 2014. (In Russ.).

4. Eleonskaya E.N. Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii. Sb. trudov [Tale, conspiracy and witchcraft in Russia: coll. of works]. Moscow, 1994, 272 p. (In Russ.).
5. Zharinov E.V. Istoriko-literaturnye korni massovoi belletristiki: monografiya [Historical and literary roots of mass fiction]. Moscow, 2018, 184 p. (In Russ.).
6. Kovtun E.N. Poetika neobychnogo: Khudozhestvennye miry fantastiki, volshebnoi skazki, utopii, pritchi i mifa (Na materiale evropeiskoi literatury pervoi poloviny XX veka) [Poetics of extraordinary: artistic worlds of science fiction, fairy tales, utopias, parables and myths (Based on European literature from the first half of the 20th century)]. Moscow, 1999, 308 p. (In Russ.).
7. Kempbell Dzh. Tysyacheliki geroi [A Hero with thousands faces]. Saint Petersburg, 2018, 352 p. (In Russ.).
8. Meletinsky E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M. The problem of the structural description of a fairy tale. *Struktura volshebnoi skazki* = The Structure of a Fairy Tale, Moscow, 2001. 234 p. (In Russ.).
9. Neelov E.M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoi fantastiki: monografiya [Magical and fabulous roots of science fiction: monograph]. Leningrad, LGU Publ., 1986, 198 p. (In Russ.).
10. Neelov E.M. Eshche raz o zhanrovoi spetsifike Fantasticheskoi literatury [Once Again on the Genre Specifics of Fantastic Literature]. *Uchenye zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Notes of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, 2008, no. 1, pp. 100–105. (In Russ.).
11. Novik E.S. Sistema personazhei russkoi volshebnoi skazki [The system of characters of the Russian fairy tale]. *Struktura volshebnoi skazki* = The structure of a fairy tale, Moscow, 2001, 234 p. (In Russ.).
12. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical Roots of the fairy tale]. Moscow, 2010, 333 p. (In Russ.).
13. Jung C.G. Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991, 304 p. (In Russ.).
14. Jung C.G. Dusha i mif: shest' arkhетipov [Soul and myth: six archetypes]. Kiev, 1996. 384 p. (In Russ.).
15. Beecher D., editor of Giovan Francesco Straparola., *The Pleasant Nights*, Toronto, University of Toronto Press, 2012, 221 p. Available at: https://books.google.ru/books?id=HcW_2QlkbAsC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (accessed 15.11.2019). (In Eng.).
16. Haberkorn G., Reinhardt V. Magic Adolescence and Education on Terry Pratchetts Discworld. *Supernatural youth: The Rise of the Teen Hero in Literature and Popular Culture*. Edited by Jes Battis. Lexington Books, 2011, pp. 43–64. (In Eng.).
17. Taylor A. Trapped: Fairytale in Pratchett and Lackey. *Gender forum. An Internet Journal for Gender Studies*, 2015, issue 52, pp. 17–25. (In Eng.).
18. Thompson S. The Folktale. New York, 1946, 537 p. (In Eng.).
19. Zipes J. The Sorcerer's apprentice. Princeton University Press, 2017, 404 p. (In Eng.).
20. Zolotova T.A., Efimova N.I., Plotnikova E.A., Troshkova A.O. Fairy Tale Traditions in Amateur and Professional Young Writers' Creativity. *GEMA Online® Journal of Language Studies*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 101–112. (In Eng.)

Статья поступила в редакцию 14.01.2020 г.; принята к публикации 18.02.2020 г.
Submitted 14.01.2020; revised 18.02.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Об авторе

Трошкова Анна Олеговна

старший преподаватель, аспирант, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, a_troshkova@mail.ru

About the author

Anna. O. Troshkova

Senior Lecturer, Postgraduate student, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, a_troshkova@mail.ru